

Берлин, ноябрь 1989-го

Исторический фоторепортаж о том, как исчезла Берлинская стена

Западногерманские бульдозер и кран создают первый проход на Потсдамерплац

Меньше месяца после падения стены. Западноберлинские школьники по дороге домой пересекают стену по открытому пограничниками ГДР коридору

За несколько дней 1989-го стена стала историей. На фото: молодой берлинец с сыном выбивает долотом кусочек стены на память

На следующий день после падения стены берлинские певцы и танцоры устроили праздник открытия границы между Западом и Востоком Германии. На фото: выступление на фоне Бранденбургских ворот

К 25-летию падения стены ее неснесенную часть украсили картинами и 8 тыс. светящихся шаров

СВИДЕТЕЛЬ

Слезы подполковника Йегера

Георг Масколо — автор репортажа, вошедшего во всемирное документальное наследие ЮНЕСКО.

Как получилось, что он со съемочной группой оказался на Борнхольмер-штрассе в тот самый момент, когда открылся первый шлагбаум?

Георг Масколо

Что чувствует человек на утро после того, как ему удалось заснять волнующие, сенсационные кадры сразу после открытия Берлинской стены? Ответу: пустоту и разочарование. 9 ноября 1989 года, кульминационный момент немецкой революции, пришелся на четверг. Очередной выпуск тележурнала Spiegel-TV, в редакции которого я работал, был запланирован на воскресенье.

Я думал об одном: кто захочет смотреть кадры трехдневной давности? Ведь все, что касается той исторической ночи, к этому времени будет показано несчетное количество раз. Но моего оператора Райнера Мерца и его ассистента Гермара Бистера, прекрасных профессионалов и коллег, чуть не подвело. «То, что мы видели, уникально», — упорствовал Райнер.

В последующие дни, когда в отеле я видел многочисленные спецрепортажи с однотипными кадрами очередей из «Трабантов» и людского ликования, во мне затеплилась надежда: может быть, нам и правда несказанно повезло? Кадры открытия пограничного шлагбаума на Борнхольмер-штрассе в Берлине до сих пор считаются уникальными, ЮНЕСКО даже включила их во всемирное (документальное) наследие наряду с литературным творчеством Гёте или с 9-й симфонией Бетховена.

Дело в том, что КПП на Борнхольмер-штрассе в ту историческую ночь стало первым, где людей стали беспрепятственно

Подполковник Харальд Йегер сегодня

пропускать в Западный Берлин. И в том, что эти кадры показывают: конец убийственной стены не был частью хитроумного плана политбюро, все произошло под нажимом населения на востоке. Падение берлинской стены фактически было ее штурмом. Отснятые тогда кадры до сих пор передают драматизм тех часов, отвзгу людей и растерянность пошатнувшегося аппарата подавления. Они задокументировали тот момент, когда в условиях диктатуры бояться начинает уже противоположная сторона.

Среди тех, кто в ту ночь смог перейти через границу, была и молодая женщина-физик, которая незадолго до этого вышла из сауны на Борнхольмер-штрассе. Имя никому не известной тогда немки сегодня знает весь мир — это Ангела Меркель.

Если бы тогда мы остались сидеть в баре нашего валютного отеля в ГДР у Бранденбургских ворот, этих кадров не было бы. Чуть раньше член политбюро Понтер Шабовски на пресс-конференции, о которой почти сразу заговорил весь мир, анонсировал новые положения о выезде для граждан ГДР.

Но что именно он имел в виду и кто действительно получит право выезжать из страны? За бокалом непомерно дорогого бочкового Radeberger опытные корреспонденты дискутировали об этом с такими новичками, как я. Помнится, даже самые смелые и самоуверенные из них не допускали ни падения Берлинской стены, ни воссоединения Демократической и Федеративной Респубблик. Мне было всего 25 лет, и я тем более не мог предположить, как будут развиваться события.

Мы не знали, что делать, не понимали, что бар отеля в центре Берлина не лучшее место, чтобы разобраться в происходящем. Поэтому мы собрали свое оборудование и отправились в Пренцлауэр-Берг. Этот район уже тогда слыл цитаделью сопротивления: его облюбовали недовольные, мятежно и оппозиционно настроенные восточные берлинцы. Застройка доходила до самого КПП. Если что-то будет происходить, то там, решили мы.

На улицах все было тихо, и потому на какое-то время мы снова засели за барную стойку. Но и в баре люди не говорили ни о чем, кроме заявления Понтера Шабовски. Никто не знал, как его понимать. В то же время в западных СМИ стали появляться сообщения: переход через укрепленную стеной границу открыт. Это не соответствовало действительности, но люди в районе Пренцлауэр-Берг были любопытными, нетерпеливыми, а в тот вечер еще и бесстрашными. Поэтому они отправились к Борнхольмер-штрассе. Мы последовали за ними.

Перед пунктом перехода через границу уже толпились тысячи человек. Они напирали, устраивали давку, а потом принялись дружно скандировать: «Открывай, открывай!» Их требование подкреплялось обещанием: «Мы вернемся, мы вернемся!»

Мы стояли прямо у шлагбаума, еще закрытого, и у нас уже начались трения с пограничниками. Чтобы заснять атмосферу, мы перешагнули через ограждение и стояли — к ужасу гэдэровских стражей границы — прямо на нейтральной полосе. Один из них требовал предъявить паспорта и угрожал выдворить нас на запад. Я подолжал реприроваться до того момента, когда прямо перед нами открылся забор шлагбаума и выходящие массы хлынули на свободу. Это была первая брешь в Берлинской стене. На других КПП контроль документов был прекращен позднее.

Только по прошествии времени я смог понять, что на самом деле происходило в ту ночь: вместе со своей съемочной командой я

взял интервью у всех пограничников и офицеров «Штази» (Министерства государственной безопасности ГДР — Д), которым выпало нести дежурство на Борнхольмер-штрассе. От них я узнал, что они все время запрашивали инструкции в штаб-квартире «Штази», не понимали, как быть, боялись и колебались. Стрелять никто не хотел, что такое «китайское решение», в ГДР знали все. Сначала от верхушки «Штази» поступила инструкция: тем, кто активнее других будет требовать, чтобы их выпустили, ставить штамп на половину фотографии в паспорте, чтобы впоследствии вычислять таких граждан и не пускать их назад. Это был последний обмен идущего ко дну режима.

Я до сих пор поддерживаю контакт с некоторыми офицерами, несшими дежурство в ту ночь, такими как подполковник Харальд Йегер, в конце концов отдавший приказ открыть шлагбаум. Когда этим летом по приглашению президента Федеративной Республики я в очередной раз рассказывал о событиях той ночи, Йегер был среди публики. Его неоднократно предлагали наградить крестом «За заслуги» перед Федеративной Республикой — как и венгерского подполковника Арпада Беллу, который в августе 1989 года поднял железный занавес на австрийской границе и тем самым помог бежать сотням граждан ГДР.

Уже совсем поздно в ночь на 9 ноября Йегер пытался найти на Борнхольмер-штрассе укромное место, чтобы дать волю слезам. Он заглянул в административный барак, но там уже сидел всхлипывающий капитан. Сегодня Йегер гордится своим поступком. «То, что в ту ночь дежурство несли именно вы, — это providение», — как-то раз сказала ему одна женщина. «Нет, это график дежурств», — парировал Йегер.

Автор — Георг Масколо —

был главным редактором журнала «Шпигель» (Der Spiegel) и руководил «союзом журналистских расследований», редакцией радиостанции NDR.